

Гиви Кобулашвили

Там, где обитает
любовь

16+

Гиви Кобулашвили
Там, где обитает любовь

«ЛитРес: Черновики»

2020

Кобулашвили Г. Л.

Там, где обитает любовь / Г. Л. Кобулашвили — «ЛитРес:
Черновики», 2020

Главный герой, влюбившись в одноклассницу, без своего участия ее уже не оставляет – что в школе, что после школы. А когда она по-настоящему нуждается в помощи – готов и на крайнюю меру. Видеть рядом дорогого тебе человека с улыбкой на лице – едва ли не самое главное в жизни. Это и есть лейтмотив повествования.

Содержание

Философы античной эпохи	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Философы античной эпохи

Окончание школы было не за горами, когда я сломя голову понесся во дворец молодежи записаться в какую-нибудь секцию. В какую – не имело значения, главное, чтобы территориально было как можно ближе к секции физики. А если комнаты еще и рядом будут, то вообще благодать. Это для меня имело решающее значение.

Все бы желания так исполнялись. Как будто здесь только и делали, что обо мне заботились. Рядом с секцией физики, с одной и с другой стороны, были еще две другие – истории и альпинизма. Думал недолго. Достаточно было представить себе красивые вершины Кавказских гор, выбор сам с собою был сделан.

Не ожидал, что так любезно и с улыбкой встретят.

– Примем, а почему нет, – сказал руководитель секции, – можешь, на пару еще одного желающего привести. Прием как раз на днях намечается.

Все вроде складывалось как нельзя лучше. Видел, кто-то рюкзак примерял. Это был я. И на горизонте заснеженная головка Эльбруса замаячила. Меня ждала.

– Только прием по конкурсу, – добавил в конце руководитель. – В лесистом месте соревнование устраиваем. В первую десятку кто войдет, будут зачислены.

Это последнее уже не так сильно обрадовало. Увидев, что цвет лица потерял, руководитель засмеялся. Потом успокоил:

– Ничего трудного в этом нет. Должен найти в кустах припрятанное на твое имя письмо, будешь иметь компас и описание того места. Надо поставить палатку, разжечь костер и вскипятить воду. Вот и все дела.

Тропинка к Эльбрусу бог весть куда стала заворачивать. Мой рюкзак тоже какие-то сомнительного вида субъекты волочили. Поплелся домой повесивши нос – шансов, что справлюсь никаких.

Своими невзгодами с Ромкой поделился. Теперь он стал смеяться.

– Это же проще простого, – сказал, – считай, что не только в десятку вошел, уже и первое место занял. Отец в альпийском клубе работает, каждое лето на альпиниадах с собой берет. С тобой я пойду. В этих делах академию заканчивал.

Немного от сердца отлегло. Дела, вроде, и не так уж плохи. Тропинка опять к Эльбрусу завернула. Рюкзак, похоже, тоже собирались возвращать.

Как только соревнование началось, сразу же приступили к поиску письма. Каждая минута на вес золота, ни одной не хотели терять. Перво-наперво за компас взялись. Здесь выяснилось, что Ромка с компасом никогда и дел – то не имел.

– Ерунда, – сказал он, – разберемся, и не такое распутывал.

Но кто мог подумать, что наш подход к школьным познаниям себя здесь покажет. В компасе, – да, без труда разобрались, но вся беда в том, что север и юг перепутали. Не могли разобрать что есть что. Кусать пальцы было поздно. Но Ромка присутствие духа не растерял.

– Компас и вовсе не нужен, – сказал, – главное, что описание местности у нас на руках.

Ринулись и начали каждый куст, подозрительный – не подозрительный, подряд обшаривать. То, что искали, обойти было невозможно.

Человек предполагает, а бог располагает. Откуда ни возьмись, а сейчас в этом несколько не нуждались, туман начал появляться. За короткое время так сгустился, что не то что кусты, деревьев нельзя было различить. Продолжение поиска, причем без компаса, всякий смысл терял. Этого уж Ромка никак не ожидал. Остановились в оцепенении, немного передохнуть – скажем так. Рюкзак умыкнули? Умыкнули. Бог с ним, но и Эльбрус в тумане исчез. Сник Ромка. Окончательно опустил бы руки, но смущала потеря авторитета в моих глазах. Спустя

некоторое время, пересилил себя и будто никакой заминки и сроду не было, тоном, уверенного в себе человека, изрек:

– Ничего страшного, у меня чутье собаки, все равно найдем.

Нельзя было не оценить его героическое выступление. Портить дальше настроение и я не стал. Как мог, спокойным видом закивал головой.

– Конечно найдем, – сказал. Как будто не знал, что чудеса только в сказках бывают.

Но чудо произошло.

В то время как другие с компасом туда-сюда плутали, благодаря тому особому чутью, или чисто случайно, но припрятанное для нас письмо обнаружили. Дело как будто на исправление пошло. Теперь не хочешь в этом тумане возвратиться на место, отведенное для палатки? Но чудеса продолжались. Уже зарекомендовавшее себя чутье и здесь отличилось. Все остальное с быстротой молнии проделали. Компас не в счет, но в остальном диплом академии Ромка на полном серьезе заслуживал. За короткое время палатка была установлена, хворост собран, ножки для подвешивания котелка поставлены, костер зажжен и котелок с водой над ним подвешен. Смутно, но было видно – соседи все еще над установкой палатки мучились.

Из тумана один за другим головы членов конкурсной комиссии начали всплывать. Скоро и голова председателя должна была показаться. Я уже и на Эльбрусе был. До вершины что оставалось? Всего ничего, только руку протяни.

От нахлынувшего счастья не знали, что предпринять. Но это я не знал, а Ромка знал. Шутка ли, человек на народные танцы ходил. На радостях вокруг костра Барыню станцевал. Потом волшебник искусства уволок. За Барыней Гопаком пошел, за Гопаком Лезгинку сотворил, напоследок даже на испанские ритмы перешел. Все у него хорошо получалось. Единственно, под конец ногой за что-то чуть-чуть задел.

И откуда только всякие напасти берутся. Из ничего, и на первый взгляд неприметного, неожиданно целый ворох проблем возникает. Нога за что-то задела, это самое что-то за ветку, ветка за хворост, хворост за палку, а палка чего? Чего-чего! А того, что коза в огород забралась и огорода будто и не было. Всего один несчастный миг и этот наш праздник и радостные возгласы плачевно обернулись. Палка опоры для котелка зацепила и повалила, котелок опрокинулся и всю уже закипавшую воду на костер вылил. Собравшиеся вокруг погасший огонь и пустой котелок видели.

Головы членов комиссии один за другим обратно в тумане начали тонуть. Голова председателя так и не показалась. Рухнули мои надежды. Со склонов Эльбруса кубарем катился, о приеме в секцию можно было забыть.

Но мои попытки на этом не заканчивались. Оставалась еще секция истории. На нее и надеялся. Шел с дрожащим сердцем. В одном месте, как мог напортил. Если и там откажут, то конец – все мои усилия насмарку.

Не сказать, что там мое появление аж всех ошастливило. Мои знания по истории руководительницу секции, как видно, сильно впечатлили и вопрос моего приема-неприема долго не могла решить. Наконец, еще раз с ног до головы осмотрела и сказала:

– Раз так просишься, пока что можешь ходить, потом видно будет.

Откуда ей было знать, что в эти минуты вопрос моей жизни и смерти решался. Все дело в том, что птичка весточку принесла – та, которая меня с ума свела, во дворец молодежи стала ходить, в секции физики. Записаться в какую-либо секцию, как можно поближе к ней и было для меня важнее всего.

Уважаемая Валентина знающим человеком была. Много интересного рассказывала, то чего в школьных учебниках не было. Но все мимо – до меня ничего не доходило. Все мое внимание было обращено к соседней комнате и к тем, кто там находились. Не дай бог их уход прозевать. Весь замысел ведь в том и состоял, чтобы как бы невзначай на глаза попасться, типа

случайная встреча. Со скрипом, но пока все шло как задумано. Если, конечно, еще что-нибудь не выскочит. И выскочило. Мое положение, быть или не быть, опять под вопросом оказалось.

– Начинается олимпиада по истории. Кто не примет участия, будет из секции отчислен – коротко отрезала Валентина.

Сказано было, чтобы все слышали, но, сомнений не оставалось, в первую очередь касалось меня. И тему старательно подобрала: “Философы античной эпохи”. Меня как громом поразило. Не хочешь такое написать? И что напишешь, если понятия об этом не имеешь.

Делать нечего, разыскал ближайший читальный зал. Сказал там о своих бедах. Наверное такой удрученный вид имел, что библиотекарь сжалился.

– Что ты убиваешься, – сказал, – вот ты, а вот брошюра точно с таким же названием. Возьми и перепиши слово в слово.

Туз выпал – про меня и было сказано. Набросился на брошюру и вчистую переписал. Что переписывал, не разбирал. Не пропустить ничего, остальное мало занимало.

Когда рукопись раньше намеченного срока представил, Валентина немного оттаяла:

– Да ты я вижу по натеящему в историю влюблен.

Влюблен?! Это так она сказала?

Ее слова и мое отключение были одновременными.

– Влюблен да так? День и ночь о ней и думаю, – вырвалось от самого сердца.

Валентина удивленно глянула на меня, но было поздно. Уже в пути был, на своей лошадке мчался.

– Когда Димке на день рождения родственники камеру – оболочку подарили, а мы как ошпаренные с мест повскачили и сразу же надувать стали, я и тогда не мог ее забыть, – сказал.

У Валентины глаза округлились, не знала, что и подумать обо мне. Но меня это не остановило, продолжал дальше нестись.

– Онег слыл как нападающий таранного типа. И на этот раз не сплеховал. Всех растолкал, выхватил из рук, выбежал во двор и подаренный минуту назад мяч первым же ударом ноги в овраг пульнул. И когда весь класс до потери сознания в поисках рыскал, я и тогда про нее думал.

Валентина испуганно посматривала.

– Потом все же нашли? – Спросила, чтобы как-то умерить мой пыл.

Лошадку, и правда, на время приостановил.

– Уже темно было – сказал, – поиски на второй день с утра продолжили. Но мяч кто-то подобрал. И не удивительно, – пояснил как можно доходчиво. Но почувствовал, что она все-таки не все поняла. Стал суть вопроса более вразумительно растолковывать:

– Камеру-оболочку в нашем закоулке в руках еще никто не держал. Только на стадионе Динамо и видели. Резиновым мячом играли с нарисованной камерой-оболочкой, но он прокол быстро получал.

Потом опять лошададку пришпорил.

– Все подавленными ходили, – сказал, – а у меня и тогда все время в глазах она стояла.

– Она, это кто? – Валентина улучила момент и к стенке меня пригвоздила.

Хорошо еще, что вовремя за ум взялся.

– Про любовь к истории говорю, – пропечатал я. Валентина ничего не ответила.

– Чудеса, да и только, – лишь про себя проговорила, не в состоянии что-либо постичь.

Но настоящие чудеса были впереди.

Как выяснилось, члены жюри о существовании переписанной мною брошюры знать не знали и конечно же не читали. Иначе как объяснить то, что меня в числе победителей олимпиады называли. Недаром, когда брошюру давал, библиотекарь сказал, что только-только из печати вышла и наверно еще никто и прочитать не успел. Уважаемой Валентине благодарность объявили. Я в группе видным человеком стал. Но для меня главным было другое. Вопрос жизни

и смерти отпал – в секции принят окончательно. Честь и хвала ученым мужам древности. Ту брошюру надо будет обязательно перечитать на досуге.

Теперь уже ничто не должно было помешать в исполнении задумки. И действительно, в один прекрасный день, когда вышел в коридор, увидел две сорванные с неба звезды. Одна из них была Гуля – дорожке всего на свете человек. Рядом такая же как и она, нарисованная кистью художника, девушка стояла.

Нет предела совершенству

Гуля у нас появилась недавно, после соединения мужских и женских школ, немного позже. А мы, придя в сентябре, пол класса девочек застали. Почти все были из образцовой во всем районе женской школы. Высокая успеваемость, порядок, ученицы нарядные, и школа красиво разукрашенная. Название так и напрашивалось – заведение благородных девиц. Во всем чувствовалась рука уважаемой Ксении – директрисы. В прошлом такое заведение и заканчивала. Во время парадов в колонне района первыми всегда ее девочки шли.

А наша мужская школа как? Нет предела совершенству. И наша по своему была примерной, может даже примерней. На окраине города располагалась, в окрестностях горы Махата. Район не был плохим. – На горе Махата, солнце строит хату, – Славик даже стихами стал изъясняться. Водители такси в вечернее время этих мест все же сторонились. Из окон школы было видно кладбище. Наиболее мотивированные граждане его и облюбовали, играть в кости. Перспектива была заманчивая. Что далеко ходить, понравится – можешь и насовсем остаться, лучшее место где еще найдешь. Не так часто, но время от времени так и бывало. Наркомании, за редким исключением, не было. Все будущие наркоманы на футболе были помешаны. Во дворах, на улицах, на спусках и подъемах, везде мяч гоняли.

Наш класс, к нашей радости, был в самом глухом месте, на последнем этаже в конце коридора. Веселись как вздумается, учительская далеко. В классе сорок волков сидели. С представленными к нам охотниками рукопашный бой вели. Охотники себя за учителей выдавали. Война шла на тему знания и незнания. Чтоб нас завлечь в западню, что только не придумывали. В городе не оставался успешный писатель или другой деятель искусств, чтобы встречу с ним не устроить. Даже самого Галактиона в школу привели. В театре юного зрителя не было представления, чтобы ученики не смотрели. Пока школу закончишь, хочешь – не хочешь, все спектакли приходилось увидеть. Но сдаваться и мы не собирались. Для двоечников же золотой век расцветал. Жили припеваючи – из класса в класс спокойненько переходили. Знали, отчислить не отчислят.

– У школьных ворот шпана ожидает, – в учительской объявление висело. Самое большее на второй год в том же классе оставить. Господа не желают учиться, кто виноват? Учитель безусловно, какие тут еще суждения. Некоторые в лотерее машину выигрывают, учителям они достались. Что с ними делать, не знали.

Уважаемая Катрин знала. На этот счет свой подход имела.

И у нас такой был – со стажем. Здоровьем дорожил. – Двойка первый признак хорошего здоровья, – делился опытом. Чтоб в этом убедиться достаточно было хоть раз на него взглянуть. Здоровьяк, каких еще найти надо. Из дома железки таскал, на уроках грыз. – Это семечки подсолнуха, – уверял. А мы такие наивные, так сразу и поверили. В школьной пристройке в одном месте кирпич вывалился. Когда здоровяк пришел, увидели – палец завязан. Подозрение возникло, причастен. Сожаление было искренним: – Я не нарочно, – сказал, – ненароком задел пальцем. – То, что перед школой столб кренился, вот-вот должен был упасть, про это ничего не говорил. Но, должно быть, это также его дельшки. Ненароком и мимо него мог пройти. Это уже собственным умом домыслили. Илларион, его отец уважал знания, все время укорял. А он и здесь оправдательный довод имел:

– Не всем же Илларионом быть, что к чему, как-нибудь сам.

– Пускай так, но те же великие писатели, для тебя как бы никого и не было. Хотя бы один стишок, и то не знаешь.

– Велика важность, стихи и я могу написать, – себя нахваливал.

Что ты будешь делать, такого ничем не проймешь. Но, и то правда, свое дело знал туго. Все успевал, и в том же классе оставаться и из класса в класс, как с ветки на ветку, перелетать. В этой области если бы звание профессора существовало, ему бы присудили. Не присуждали. Звание может и существовало, но как видно квалификации не доставало. Не беда, куда спешил, все еще было впереди. Мы же ждать не стали, и без этого уже Профем прозвали. Таким парнем был Профе. Его уговаривать – об стенку горох.

За дело Катрин взялась. Только в класс войдет, сразу за него примется.

– Сообразительный, ты еще здесь? Иди сынок женись, – говорит. Но Профе не только по фамилии был сообразительным, но и на самом деле. Задумку Катрин сразу же разгадал.

– Этими зернышками своих кур покорми, – отвечал. Не вслух, на языке немых. Мы этот язык не знали, Катрин знала. Понимать понимала и все равно от него не отстала. Поначалу и Профе вместе со всеми смеялся, потом, видимо, себе на ус намотал, перестал смеяться. Катрин тоже на полдороге не остановилась, за свое держалась. Ее усилия не пропали даром. Вопрос женитьбы был решен положительно. Только женился не Профе. Уши, как ни странно, и у других были. Снохе не говорили, золовке сказали, а та все же услышала. Жена Джардо привел. К знаниям тянущий парень был. Способностями бог не обделил, многие могли и позавидовать. Исчез. В классе его место пустым осталось, на одного талантливую ученика меньше стало. Катрин чуть не помешалась.

– Бог свидетель, про него даже не заикалась, – сказала. Из таза воду хотела вылить, не ребенка выбросить. Родители не дали школу закончить. Убеждали:

– Образованным человеком ты уже стал, пора и за дело взяться. Надо успеть детей народить, самое малое десять. – Потом, как собрали деньги на выкуп невесты, все дороги для побега перекрыли. Вода камень точит. С одной стороны авторитетное родство, с другой стороны не менее авторитетный педагог, сломается человек, другого чего еще ждать. Катрин ходила с испорченным настроением, себя винила. Но не быть ей всеми почитаемой Катрин, если бы не доказала правильность разработанной теории. Свою линию гнула до конца. Теория себя оправдала. Не хочу учиться, хочу жениться¹. Так и он, женился Профе.

– И раньше бы так поступил, жалко было одноклассников бросать, – признался, встретив Славика.

– А что жалел, тебя все равно оставили бы в том же классе, – Славик возразил.

– Еще раз оставить не посмели бы, – Профе сказал, – могли работу потерять. – Что считал для себя полезным, и без поучений знал. Ума палата, а он школу бросает.

Но его тяга к знаниям на этом не закончилась. В отличие от некоторых, жена с ним церемониться не стала. Выискала ему головную боль – бумажку окончания школы принести, пусть даже вечерней. Идея его прямо-таки вдохновила, почти что до потери сознания. Но возникать не стал, так, чуть-чуть, для порядка, что зря гусей дразнить. Вечерней так вечерней, принес, хотя пришлось и побегать. Зато, что к чему, как и обещал Иллариону, и это уяснил. Дальше легче, уже без понуканий. Опыт, слава богу, уже был. Откапал благодетелей высшего образования, деловитых. В институте зачислили. Ездить далековато, но для такого начинания сгодится. В конце каждого семестра он там. Утром – деньги, вечером – стулья², что за проблема. С ветки на ветку, с курса на курс, уже и четвертый курс пошел. Так недолго было и диплом профессора занять. А что тут такого? Еще в школе ведь светило. В смете такой пункт уже значился. Но

¹ По комедии Д.И.Фонвизина «Недоросль»

² По роману И. Ильфа и Е.Петрова «Двенадцать стульев»

вот неувязочка – налаженный как часы учебный процесс пришлось снова прервать, правда уже не по своей воле. Кому то вздумалось взяться за медный таз. Им все и накрылось.

– Ничего, незаконченное высшее тоже хлеб, сказал, – бумажка в кармане.

И точно.

– Время не ждет³, – сказано. Десятилетие окончания института, место проведения торжеств выбрано, заказ сделан. Вся наша группа, с супругами, и преподаватели тоже, все в сборе. Стоим перед банкетным залом, маемся. Туда не пускают, другим пообещано. И не кем-нибудь, а самым администратором гостиницы. Выше некуда, выше только звезды, никому не пожалуешься. Остается убираться восвояси, поискать другое место. Как ни упорствуй, их не прошибешь, а этого администратора и подавно. Сидит не мигая, вид неприступный, щеки надуты. Щеки то надуты, но лицо все же знакомо. Так это же он, дорогуша. С глаз долой – из сердца вон. Но нет, признал – таки, даже рад был меня видеть. Поиски другого места не понадобились.

И другие учителя не вчера родились. Опыт и у них был предостаточный. В деле воспитания и просвещения молодого поколения у самых свои подходы были припасены. Учительница географии Уважаемая Фефо урок всегда начинала с закрепления пройденного материала, типа:

– Бывал из Вас кто-нибудь в зоопарке? – спрашивает.

– Как же уважаемая, все там бывали, – отвечаем хором.

– А видели там запертых в клетках диких зверей?

– Конечно видели, – не разочаровываем и мы.

– Так вот эти звери вы и есть, – делает Фефо логический вывод. С этим мы, конечно, не могли согласиться, но обиду не показывали. Знали, она только недавно в зоопарк ходила, все еще под впечатлением пребывала.

После подобных вступлений переходила к описанию разных стран. Делала все обстоятельно, где какие звери водятся, не забывала. Что-что, а это знали со всеми подробностями. И что у нас общего с ними, тоже.

Психологию сам Гола преподавал, директор школы. Начиная с первоклассников, даже еще не увидев, его имя уже с уст не сходило. Что только ему не приписывали.

Учителям запретил в театр оперы и балета детей водить. – Там лебединое озеро, а плавать не все умеют, – предостерег.

На рельсах человек сидел, – подвинься, – сказал, – дай и мне присесть.

Хлебопеку смертный приговор вынесли. – Хлебопек у нас один, а кузнецов двое, вместо хлебопека одного из них и надо пристукнуть – предложение выдвинул.

Много таких. Часть из них может так и было, но большинство творческими усилиями других появлялось. Внести свой вклад старался каждый. У него свои перепелки водились, это так, но кто их не имеет. Не это было главным. Главным было то, что всю школу в руках держал. Кто не опирался лишь на чужие мнения, знал – в таком районе, как наш, сделать это было непросто. Вызов в его кабинет для всех считалось высшим наказанием. Знали, в первую очередь подбородок надо беречь. Не ровен час рукой дотронется. Вначале подбородок начнет вверх двигаться, потом на цыпочках поднимаешься, а потом и вовсе к потолку устремисься. Так и будешь висеть между небом и землей. А если это мало покажется, не суетись, всему свое время. Вскоре и парить начнешь в воздухе.

Порядок – мать успеха, – объявил Гола войдя в класс. На парте надо было красиво расположить книгу, тетрадь, дневник, чернильницу, ручку, карандаш и ластик. Эти последние зачем были нужны, никто не знал. Но как раз это и было его затаенным оружием. Наслышался военных хитростей, вот и пускал в ход. Некоторые действительно забывали класть на парте каран-

³ По произведению Д. Лондона «Время – не – ждет»

даш и ластик, мол все равно не понадобятся. Молодо-зелено. Таких вызывал урок отвечать. Но мы дознались – спастись еще можно. Главное – при пересказе материала ни на секунду не останавливаться. А время от времени текст терминами психологии разбавлять. Все остальное, о чем расскажешь, о чем нет, не имело значения, Гола этого не слушал.

Костик так и поступал. Каждый раз чего-то забывал на парте положить, но хорошие отметки все равно получал. Как вызовут, чтобы ничего не перепутать и не остановиться, одну и ту же историю рассказывал. Не то что он, и мы все назубок уже знали.

– Когда Михако, дед мой, бабушку похитил, она крик и шум раньше времени подняла, еще деревню не миновали. Темперамент холерика имела, не вытерпела. Михако буйным характером отличался, разозлился. – Мы так не договаривались, – сказал. Потом Элпите, то бишь бабушка, спорить стала. – И так темно, а ты меня еще и тулупом накрыл. Думала, что уже из деревни выбрались. – Потом в деревне услышали и за ними погнались. Дела стали совсем никудышными. Надо было срочно на что-то решиться. Но Михако был сангвиник. Раздумывал недолго, выход нашел. Что он придумал, это мы уже не знали. На этом самом интересном месте Гола останавливал.

– Вижу, урок хорошо выучил, – говорил – можешь сесть на место.

На перемене Костика упрасивали сказать, что-же дед придумал, но он все потом да потом.

– Сейчас некогда, длинная история. В другой раз как вызовут, расскажу. Точно с этого места и продолжу, – обещание давал. Но в следующий раз опять все начинал сначала. Школу так закончили, что так и не узнали, что там Михако придумал.

Гола, при объяснении нового материала книгу всегда в руках держал. Часто и прочитанное путал.

– Голову наотрез дам, если не первый раз читает, – Славик говорил.

Но Гола, оказывается, не простой был человек. Это впоследствии узнали, когда на его похороны высокопоставленные военные съехались. Герой войны, участник восстания на Тексель. Никто этого не знал, и сам никому не говорил.

Учительница биологии уважаемая Татия, по образованию художница, к своему предмету подходила профессионально. Отвечать урок выходили со своим альбомом. В альбоме заданный материал зарисовывали. Неважно, что это, одноклеточное, многоклеточное, а то и весь слон. Если чего-то, на твой взгляд мелочь, опускал, оценка снижалась. Лучше других у Вадика получалось. Хвалила, к предмету серьезно, мол, относится. Была бы оценка выше пятерки, поставила бы. А Вадик на этом так руку набил, что после окончания школы в художественную академию поступил. Впоследствии известным художником стал. Новое слово в живописи, критика отмечала. С Костиком разоткровенничался:

– Заказов много, – сказал, – но чтоб не заказали, в конце все – таки перехожу на рисовании одноклеточных и иже с ними. Каждый раз слово себе даю, что это не повториться. С собой все равно ничего не могу поделат. Нарисовать портрет человека и рядом Хламидомонаду и подобных персон пририсовать, куда это годится. С другой стороны, лучше других такие и получаются. Как живые смотрятся. Живой уголок в школе устроить, мысль запала. Не податься ли в учителя биологии.

Но авторитет в наших глазах больше всех Анги имел – учитель труда. И образование хорошее дал, в первую очередь в жизненных вопросах. Задаваться перед нами не стал. На первом же уроке всю правду о себе выложил. К роду потомственных аферистов принадлежал. И трудовые навыки старался нам привить, этого не отнимешь, но о делах дедушек тоже рассказывал. Слушали с интересом.

Больше других прапрадедушкой гордился. Непревзойденной пройдохой, судя по всему, был. Целый город продал вместе с жителями. Покупателя убедил, что это его собственность. Покупатель – приезжий из цивилизованной страны, из Полинезии, с островов Туамоту, что в тихом океане. Законопослушный гражданин, в его стране такие вещи не происходили. И представить не мог, что где-нибудь такое могло случиться.

Его дед таких достижений не имел, но и он не был простачком. Про себя ничего не говорил, не в его привычках было.

– Что бублик заиметь, что себя хвалить, цена одна, копейка, тебя другие должны похвалить, – говорил.

А говорил не зря. Уже после окончания школы, Славик газету показал, про Анги было написано. Дипломы института подделывал, от настоящих не отличишь. Ну и цену высокую заломил.

– То-то и оно, – Славик сказал, – а я в догадках терялся, больше всех в мире дипломированных у нас насчитали. Шапку кинешь, в инженера попадешь – было написано.

После того, как все, кто жаждал, стали дипломированными, стоимость снизил. В конце, когда покупателей почти что не стало, за полцены диплом начал продавать. Когда милиция взяла, уже в рассрочку отдавал. Милиция поспешила. Еще бы повременить и вообще мог исправиться, вместо денег сдачу экзаменов потребовать. А потом, чем чорт не шутит, из полученных доходов кое-кому и стипендию назначить. То, что у него золотые руки, знали, но что такое сумеет сделать, не представляли. Сейчас уже черед дедушек настал достижениями Анги гордиться.

Анги был практичным, но широтой взгляда, на всю вселенную, выделялась уважаемая Венера. Недаром доверили предмет астрономии. В класс заходила с картой этой самой вселенной. На карте надо было найти землю. Найдешь – отметка обеспечена. Но с этим еще можно было справиться. Знатоки подсказки не спали. Труднее было понять другое. За картой палочка следовала. Должно быть из космоса, больше ниоткуда.

– Это указка для карты, – говорила. Хотя, по правде говоря, больше на дубинку походила. Потом весь урок с пристрастием это выясняли. В конце урока все было выяснено. Пол класса в шишках на голове сидел. Венера отзывчивое сердце имела, незлобивое. И шишки с тем незлобивым сердцем раздавала – желающим, естественно. Если хорошенько не попросить, сама никогда не настаивала.

Но методы Венеры были устаревшими. Увидев с палкой коридоре, знали – к нам собралась. Даже немного неловко получалось. То, что вместе с палкой и карту несла, это уже не замечали. Цванциг, учитель немецкого, был более изобретательным. Палку или что-то подобное никогда в руках не носил. Таких в кармане держал. Когда в класс входил, все на его карман пялились. Из кармана вдесятеро сложенный толстый провод появлялся. Начинал расправлять. В конце получался страшнее, чем дубинка. Указку Венеры с любовью вспоминали. Новый урок стал объяснять. Цванциг циммер, двадцать комнат, заголовок такой. Но дальше заголовка ни на йоту. У Зурико кашель начался. Ждали пока пройдет. Холода, а он шастал с нарочно разодранной одеждой. Уверял, что Тарзан он и есть. Уверял и так ему и надо было – простудился. Учитель новый материал объясняет, а он своим кашлем драгоценное время отнимает.

Когда кашель закончился, Ило ссору затеял с Серым. Тот два дня назад в его адрес что-то невразумительное сказал. Что он сказал, не сразу вник, но то, что ничего хорошего, ухватил. Сейчас вдруг сказанное дошло. Не ко времени, но не его вина. Невинного человека до смерти избили, почему брата, дескать, не имеешь. Тугодум есть тугодум, ну и что? Нет, Серому позарез понадобилось его поздним зажиганием обозвать. А слово не воробей, вылетит – не поймает. При виде разъяренного Ило на иной лад запел, начал ему мозги мутить.

– Поздним зажиганием иногда преуспевающих называют, – убеждать стал. Но такие фокусы пройти уже не могли. В новой головоломке Ило не нуждался. Одну еле-еле разобрал. А тут еще Цванциг со своим новым материалом.

– Хватит, – урезонить их попытался. – Нашли время выяснять кто что сказал, – Но Ило что ни делал, хоть и медленно, но поверхностно ни в жизни. Ко всему подходил обстоятельно, по-деловому. И сейчас никуда не спешил, все надо было до конца довести. А конец еще далеко, пока только журнал был. Кино потом намечалось. А для этого и урока могло не хватить. К тому же название кино не совсем подходило, антрактов мог иметь. Цванциг волновался, дальше заголовка не продвинулись, не успевал урок объяснить. Проволокой по парте нервно постукивал. За той партией Ладико сидел. Послушным учеником считался. В таких передрыгах участия не принимал. Хотя при случае не против был и поддержать общее дело. Сейчас как раз был такой случай. Тот провод случайно в него попал. – А мне этого и нужно было, – его лицо говорило. Поднял Ладико шум.

– С тобой то хоть что стряслось, – Цванциг миролюбиво сказал, – ты хотя бы уймись.

Неуважительно и Ладико не ответил:

– Как что стряслось, проволокой по голове барабаните.

– Перестань, тебе говорят, – Цванциг уже без миролюбия пригрозил. Ладико еще громче завопил. Цванциг проволокой хватя его. И еще, и еще.

– И сейчас не перестанешь? – В догонку.

Тут уж Ладико не на шутку разошелся. С одной стороны Ладико, с другой Цванциг. Остальные на сторону Ладико переметнулись.

– Ладико прав, – вопили.

Но покамись Цванциг изо всех сил бился, чтоб их утихомирить, урок закончился. Новый материал так и не разобрали. На следующем уроке опять тот же текст – цванциг циммер – двадцать комнат. Опять на заголовке застряли. Чноке и Чичи повздорили. Спор из-за пустячного начался. Потом разохотились. Пустячное в непустячное переросло. В споре постепенно и другие ввязались. Поднялся всеобщий гвалт. Класс на две половинки разделился. Не до немецкому уже было. При всем при том мы – дети войны, все немецкое не очень-то жаловали. Цванциг же опять за старое. Дует и дует в свою дуду:

– Цванциг циммер, цванциг циммер, двадцать комнат.

– Цванциг, цванциг, – кого-то возмутило, – уши уже не свои, сам он Цванциг.

Это имя прилепилось и так и осталось за ним. Уже и учителя к нему так обращались – господин Цванциг.

– А раньше господин Марленом называли, – Толстуха сказала. Толстуха же всегда все знала. С первого дня в школе работала, в хозяйственной части.

А наш немец, чтобы нас чему-то научить, сил не жалел. Что только для этого не предпринял. С другого фланга зашел. Из кармана провод перестал вытаскивать.

– Кажись уже и с собой не носит, – говорили. Но непривычного не приучай, привыкшего не отучай. Опять – таки на его карман косились.

А мне иностранный язык все же понадобился. Уже потом, после окончания школы, пожалел свои незнания. Выбрал себе институт заочного обучения. Курс пятилетний. Обучение по переписке. Но вначале надо было приемный экзамен сдать, тоже по переписке. А это без сучка без задоринки – не волновало. Написать экзаменационное задание Мерико вызвалась. Кто-кто, а она экзамен запросто могла сдать – в этом институте уже на третьем курсе училась. И ответ не запоздал. Радовался, успевал наверстать упущенное. С гулькин нос – единицу выставили. Не двойку, а единицу. Сомнения отпали, в этом заведении учили, как надо. И все же им благодарен – своевременно дали знать об этом, не через пять лет. Но могли и балл прибавить. И то лучше, чем кол. Престиж фирмы как никак, вступительный то их же студентка сдавала.

Не знали, упустил из виду вовремя сообщить. Остался без знания языка. Вот тебе бабушка и юрьев день.

Но труд учителя не пропадает понапрасно, нигде и никогда. Труд господина Марлена тоже не пропал зря. Более того, и благодарность заслужил. Спустя какое-то время, экзамен по иностранному языку все же удалось сдать – было бы желание. Члены комиссии были удивлены.

– Да ты просто отлично подготовлен. Видно, в школе учитель был хороший. От нас персональную благодарность передай, – сказали.

– Обязательно передам, – заверил я. Но дело в том, что экзамен сдавал по английскому языку. То, что в школе немецкий учил, об этом не упоминал.

– Господин Марлен, ни с того, ни с его, вдруг со смеха покатился, – Толстуха сказала. А Толстуха всегда все знала. Работу в школе пока что продолжала.

Уважаемой Ноне провода и похвальные не требовались. И без них обходилась. Более современные методы применяла. Рисунок видел, павлины в Райском саду. Изящные и безобидные, видеть их одно удовольствие. Только не надо злить, могут голос подать. Тогда, не мешкая, беги куда подальше. При виде Ноны тот рисунок вспоминал. Красивейшая госпожа, приветливая. На лице написано – светлая душа. И голос приятный, мелодичный. В класс входит – сердце радуется. Только невоспитанность не надо было проявлять. Такие с отпечаткой пяти пальцев ходили. Все пальцы со вкусом были выведены, недостатков не найти. Ее рук работа, но ведь у хорошенькой мадам и ручки такие же. А они и были хорошенькими – лапы солдатские, не ручки. Кааак врежет, из глаз искры посыплются. Если поблизости бумажное что-нибудь – книга или тетрадь, срочно убирай. Пожар может случиться. А если кто-то надеялся, что только этим обойдется, то очень даже ошибался.

– Кретин ты – и это никогда не забудет сказать. И за неопровержимыми доказательствами не постоит, тут же все в лицо тебе кинет. Ничего себе не оставит, ни грамма. Не так как в магазине. Даже если полностью заполнишь книгу жалоб, продавец все равно на сто грамм обвешает. Его, родимого, тоже понять можно было. Из тех ста граммов двадцать были его законными. Отдай другому свое законное – увидим, как понравится.

Нона от современности не отставала, но до уважаемого Робинзона не дотягивала. Тот еще круче ухватился за цивилизацию. Не Крузо, другой Робинзон. Этот учителем рисования был. Рисовать не учил.

– Способностей в живописи нет, все равно ничему не научишься, – говорил. Про художников рассказывал. Каждый раз про других, не о тех, о которых на предыдущем уроке. Исключение Ботичели составлял. Ни на одном уроке не пропускал. О ком бы не рассказал, знали, как ни крути, в конце к Ботичели возвратится.

– Сандро Ботичели настоящим художником был, – говорил. – Когда в мастерской кто-то в работе помешал, в бешенстве за ним погнался. Тот со всех ног. Знал, поймают – пиши пропало. Я тоже настоящий художник, мешать и мне не советую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.